

М.В. ЗОТОВА, В.А. КОЛОСОВ

Институт географии РАН,
119017, Москва, Старомонетный переулок, 29, Россия, zotova@igras.ru, vladimirkolossov@gmail.com**РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
В КОНТЕКСТЕ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС — ОДИН ПУТЬ»: ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ**

Изучено отношение российского общества к российско-китайским отношениям в целом и в частности к мега-проекту «Один пояс — один путь». На основе методов критической геополитики проведен анализ российских научно-го, официального и экспертного дискурсов, а также исследованы массовые представления о Китае и китайской инициативе «Один пояс — один путь». Выявлено, что в экспертном дискурсе преобладают негативные и нейтральные аналитические публикации, тогда как официальный дискурс и массовые представления носят ярко выраженную позитивную окраску, хотя иногда и в них просматривается настороженность. Критический характер экспертного дискурса в отношении Китая отражает недоверие российских специалистов к китайской политике, связанное с несопоставимостью демографического и экономического потенциалов двух стран и амбициями китайского руководства. Установлено, что в зарубежных научных кругах российская стратегия «разворота на Восток» воспринимается скептически. Авторы не верят в реальные возможности сопряжения китайских проектов с российскими в реализации стратегических интересов РФ, ссылаясь на разные интересы двух стран. Отмечено, что опасения неравной конкуренции подогреваются жестким подходом китайской стороны к совместным проектам, ориентированным прежде всего на потребности Китая, а также очевидным различием интересов двух государств. Подчеркнуто, что основное препятствие развитию двустороннего сотрудничества — это дефицит политического доверия по обе стороны российско-китайской границы. Полевые исследования на участке российско-китайской границы в Забайкальском крае подтвердили этот вывод, показав, что на региональном и локальном уровнях российско-китайские отношения имеют резко асимметричный характер.

Ключевые слова: Китай, Россия, российско-китайские отношения, дискурс, приграничные регионы, общественное мнение.

M.V. ZOTOVA, V.A. KOLOSOV

Institute of Geography, Russian Academy of Sciences,
119017, Moscow, Staromonetnyi per., 29, Russia, zotova@igras.ru, vladimirkolossov@gmail.com**RUSSIAN-CHINESE INTERACTION
IN THE CONTEXT OF THE ONE BELT — ONE ROAD INITIATIVE: DISCOURSE ANALYSIS**

This article examines the attitude of the Russian society toward the Russian-Chinese relations in general and toward the One Belt — One Road (OBOR) megaproject in particular. An analysis is made of the Russian scientific, official and expert discourse, based on methods of critical geopolitics, as well as investigating the grass-roots ideas concerning China and the OBOR Initiative. It is found that expert discourse is dominated by negative and neutral analytical publications, whereas official discourse and grass-root ideas have a clearly positive connotation, although occasionally with some wariness. The critical nature of expert discourse in respect of China reflects distrust Chinese politics from Russian specialists, associated with the lack of comparability of the demographic and economic potentials of the two countries and the ambitions of the Chinese leadership. It is established that in foreign scientific circles, the Russian strategy of the “turn to the East” is perceived skeptically. The authors do not believe in a real possibility that Chinese and Russian projects can be reconciled in the implementation of the strategic interests of the Russian Federation, referring to the different interests of the two countries. It is noted that the fears of unequal competition are encouraged by the Chinese side approach to joint projects focused primarily on the needs of China, as well as by the obvious difference in the interests of the two States. The main obstacle to a further development of bilateral cooperation is a credibility gap on either side of the Russian-Chinese border. Field studies in the Russian-Chinese borderland in Zabaikalskii krai confirmed this conclusion, showing that at the regional and local level the Russian-Chinese relations are sharply asymmetric.

Keywords: China, Russia, Russian-Chinese relations, discourse, border regions, public opinion.

ВВЕДЕНИЕ

Охлаждение отношений России с западными странами, наметившееся еще во второй половине 2000-х гг. и резко усугубившееся после присоединения Крыма и в результате кризиса на Украине, привело к необходимости усиления восточного вектора во внешней политике России. Потребность в расширении связей России со странами АТР продиктована объективными причинами: их динамичным развитием, необходимостью структурной перестройки хозяйства Дальнего Востока и Восточной Сибири и выгодами освоения и экспорта богатых природных ресурсов, в которых нуждаются соседние государства. Кроме того, «поворот на Восток» отвечает фундаментальной ориентации внешней политики России на создание многополярного геополитического порядка и недопущение гегемонии какой-либо одной страны или группы стран.

Особое значение в этом контексте приобрело стратегическое взаимодействие с Китаем, с которым Россия имеет одну из самых протяженных в мире сухопутных границ, сопряжение интеграционных процессов в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) и стратегической китайской инициативы «Один пояс — один путь» (ОПОП), объединившей проекты «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП) и «Морской Шелковый путь XXI века».

Ускоренное развитие торгово-экономических связей с Китаем характерно для большинства постсоветских стран. Эта тенденция соответствует мегапроекту «Один пояс — один путь» [1]. В узком понимании идея Китая восстановить исторический «Шелковый путь» означает создание современных транспортно-логистических коридоров широтного простираения, связывающих все регионы страны с рынками Евразии, для которой характерно расположение более развитых стран и их регионов в прибрежных зонах, а менее развитых стран — в глубинных, внутриматериковых частях. В широком понимании эта идея предусматривает формирование своего рода евразийского партнерства стран при экономическом лидерстве Китая [2]. В этом контексте страны-партнеры, разделяя идею ОПОП, должны, в определенном смысле, подчинить национальное развитие интересам КНР, уже в силу ее резко превосходящей экономической мощи.

ИНФОРМАЦИОННАЯ БАЗА И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Цель статьи — на основе дискурсивного анализа изучить отношение российского общества к Китаю и мегапроекту «Один пояс — один путь». Опираясь на подходы критической геополитики, авторы проанализировали российский научный (академический), официальный политический и экспертный дискурс о китайской инициативе ОПОП.

Академический дискурс обобщен путем анализа отечественных и зарубежных научных публикаций о месте России в китайской стратегии. Для изучения официального политического дискурса было собрано более 300 официальных документов — речи, выступления, интервью российских руководителей, сообщения об их встречах с китайскими лидерами с сайта Президента России (www.kremlin.ru) и Министерства иностранных дел РФ (www.mid.ru) с 2012 г. (период, предшествовавший официальному провозглашению инициативы) по 2017 г. включительно.

Информационной базой для анализа российского экспертного дискурса стали материалы «Независимой газеты» (НГ) (1800 статей, посвященных Китаю, за период с 2012 по 2017 г.). «Независимая газета» была выбрана как ежедневная «качественная», или «интеллектуальная», газета, уделяющая большое внимание внешней политике и представляющая широкий спектр мнений. Она служит площадкой для апробирования новых политических идей, которые становятся темами общественных дебатов и обсуждения важнейших политических событий. Редакционная политика носит в основном либеральный характер, но в газете регулярно печатаются авторы различной политической ориентации, в том числе и те, кто выражает официальную позицию. В дополнение к анализу материалов НГ был рассмотрен дискурс еще в трех газетах — «Завтра», представляющей «национально-патриотическую» часть политического спектра, «Новой газете», выражающей взгляды современных российских «западников», и «Советской России», известной как неофициальное издание Коммунистической партии РФ. Сравнение различных дискурсов дало представление о позиции основных политических сил по отношению к Китаю и перспективам российско-китайских отношений. Проанализировано соответствие политического и экспертного дискурса общественным представлениям о Китае по данным опросов АНО «Левада-Центр» и Фонда «Общественное мнение» (ФОМ). Дискурсивный анализ был дополнен полевыми исследованиями на участке российско-китайской границы в Забайкальском крае, где в 2018 г. авторами проведена серия фокус-групп и интервью с представителями власти, экспертами, бизнесменами, общественными деятелями, служащими и работниками бюджетной сферы.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Академический дискурс. Поток отечественных и зарубежных научных публикаций о месте России в мегапроекте ОПОП можно разделить на две части. Первая группа авторов оценивает перспективы стратегического сотрудничества между Россией и Китаем, в том числе при реализации инициативы ОПОП, весьма критически. Их аргументация основывается на все увеличивающейся из-за резких различий в темпах роста несопоставимости экономического потенциала двух стран [3], медленном прогрессе в реализации российской стратегии «поворота на Восток», слабости экономики Восточной Сибири и Дальнего Востока [4]. Свой скепсис авторы, разделяющие подобные взгляды, также объясняют неблагоприятными перспективами развития российской экономики в связи с ее сырьевой ориентацией, усиливающимися санкциями и вовлеченностью страны в трудноразрешимые международные конфликты [5]. Как многие российские, так и зарубежные авторы подчеркивают, что в отношениях с Китаем Россия объективно обречена играть роль младшего партнера, и поэтому россияне опасаются китайской экономической и демографической экспансии [5–7]. По мнению «скептиков», объективно Россия была и останется европейской страной, так как, несмотря на резкое ухудшение отношений с Западом, ее экономические связи по-прежнему сильно ориентированы главным образом на Европу [8]. Аргументом служат и культурные ориентиры: Россия — страна европейской культуры, в то время как Сибирь и Дальний Восток остаются в представлениях многих россиян своего рода сырьевой колонией [9]. Высказываются и сомнения в реализации конкретных проектов, обсуждаемых в дискуссиях об инициативе ОПОП, в том числе создания новых транспортных коридоров на российской территории, из-за неприемлемых условий участия китайской стороны в крупных стройках и ее неготовностью идти на уступки [10]. Отмечаются значительные несовпадения интересов двух стран в Центральной Азии и других регионах, которым отведена важная роль в проекте ОПОП, что может привести к конфликтам [11]. Наконец, ряд авторов оценивают китайскую инициативу крайне жестко, считая ее прикрытым привлекательной риторикой инструментом реализации глобальных амбиций Китая [12]. По их мнению, Китай стремится путем выдачи связанных кредитов и неравноправных соглашений поставить под свой экономический контроль источники необходимого ему топлива и сырья, обеспечить внешние рынки сбыта, навязать соседним странам выгодную ему специализацию, вынести экологически «грязные» производства за пределы своей территории, сохранить рабочие места за счет реализации китайскими рабочими и специалистами проектов за границей и т. п. [13].

Вторая группа авторов, в том числе ведущие российские специалисты по Китаю, несмотря на оговорки, наоборот, отстаивают необходимость активного включения России в реализацию идеи сопряжения проектов интеграции ЕАЭС и ОПОП [14, 15]. В этом они видят возможность оживления экономики Сибири и Дальнего Востока, стимул для развития коммуникаций и более полного и эффективного использования возможностей транзита, а также движущую силу трансформации системы международных экономических и политических отношений и основу формирования многополярного мира. Ученые апеллируют к заинтересованности Китая в нынешней геополитической обстановке в сотрудничестве с Россией, общим экономическим и политическим интересам двух стран, в том числе включающим обеспечение региональной безопасности и противостояние внешнему давлению. Все чаще звучит точка зрения о необходимости встраивания России в новый Шелковый путь. Если нельзя изменить складывающийся баланс мировых сил, то нужно хотя бы использовать открывающиеся возможности. По мнению некоторых научных экспертов, сопряжение двух интеграционных проектов рассматривается в России лишь как первый этап к созданию Большого евразийского экономического партнерства, которое призвано ускорить экономический прогресс на континенте и укрепить международное положение нашей страны. Точка зрения этой группы авторов находится в русле официальной позиции властей [16].

Политический дискурс. Для официального дискурса характерна исключительно высокая оценка нынешних отношений с Китаем. Подчеркивается, что они основываются на принципах взаимоуважения, равноправия, невмешательства во внутренние дела и общность стратегических интересов, опираются на солидную и многостороннюю договорно-правовую базу. Китай представлен как основной партнер России в Азиатско-Тихоокеанском регионе. На этом фоне инициатива ОПОП, появившись в дискурсе НГ в октябре 2013 г., была воспринята с высокой долей настороженности, так как, во-первых, место России в ней сначала не было обозначено. Во-вторых, на официальном уровне отсутствовало определение соотношения нового проекта с евразийской интеграцией. Официальные СМИ Китая первое время противопоставляли друг другу планы по созданию Шелкового пути и проект ЕАЭС. Только в 2015 г. лидеры двух стран заявили о поиске путей возможного сопряжения проекта ЭПШП и создаваемого ЕАЭС.

Затем было заявлено об углублении интеграции в транспортной сфере путем модернизации существующих магистралей между Тихоокеанским побережьем двух стран и европейскими центрами, а также о создании новых транспортных коридоров, в том числе высокоскоростной железной дороги от Москвы до Казани и далее на восток. В качестве важных направлений реализации совместных планов выступали, в частности, трехсторонняя кооперация с Монголией, сотрудничество на российском Дальнем Востоке и приграничные взаимодействия. На самом высоком уровне многократно звучала заинтересованность российской стороны в диверсификации экспорта из России в Китай за счет машинотехнической и иной продукции с высокой добавленной стоимостью, а также сельскохозяйственных товаров. Российская сторона не скрывала надежды на приток китайских инвестиций в восточные регионы страны.

Вместе с тем мотивами официального дискурса на более низком уровне были трудности наполнения рамочных соглашений реальным экономическим содержанием, отрыв политических заявлений от практики взаимодействий. Высказывалась неудовлетворенность скромными масштабами китайских инвестиций в приграничные регионы России и страну в целом, медленными изменениями в структуре торговли, неготовностью китайской стороны идти на компромиссы, сохраняющимися ограничениями с китайской стороны (например, на импорт российской сельскохозяйственной продукции) [17]. При этом официальные лица признавали и нехватку потенциала экономического сотрудничества с российской стороны, в том числе объективные факторы, препятствующие «облагораживанию» экспорта [18]. Звучали и признания в отсутствии должного доверия между сторонами, мешающего формированию благоприятного делового климата, «оттенка снисходительности» в отношении россиян к Китаю, не имеющего ничего общего с нынешним уровнем развития этой страны.

Экспертный дискурс. КНР как государство с первой экономикой мира по масштабу — важнейший ньюсмейкер в российском медиапространстве: за пять лет (2012–2017) число публикаций НГ, посвященных этой стране, выросло с 200 до 400 статей в год. В большинстве статей НГ Китай рассматривается не столько как сосед и партнер, но и как один из главных игроков на международной арене. В новостном потоке преобладают сюжеты экономической и внешнеполитической тематик, большой интерес вызывает и внутренняя жизнь Китая, которой в 2012 г. было посвящено 40 % публикаций (рис. 1).

Всплеск количества статей в 2012–2013 гг. был связан с передачей власти в Китае и приходом нового лидера. Такое число публикаций в российском информационном поле, посвященных именно самой стране и ее внутренней жизни, может сравниться только с материалами по США. При этом российско-китайские отношения не занимали центрального положения в дискурсе. Доля посвященных им материалов стала относительно заметна только в 2014 г. (32 % статей), что было вызвано

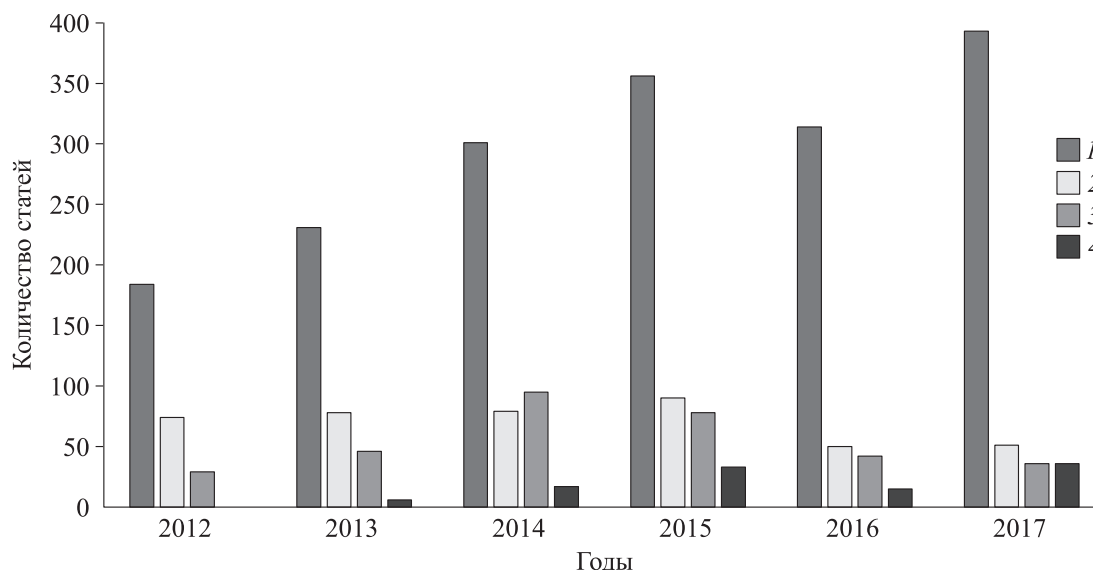

Рис. 1. Соотношение статей «Независимой газеты», посвященных Китаю.

Статьи: 1 — все о Китае, 2 — о внутренней жизни Китая, 3 — о российско-китайских отношениях, 4 — об инициативе ОПОП.

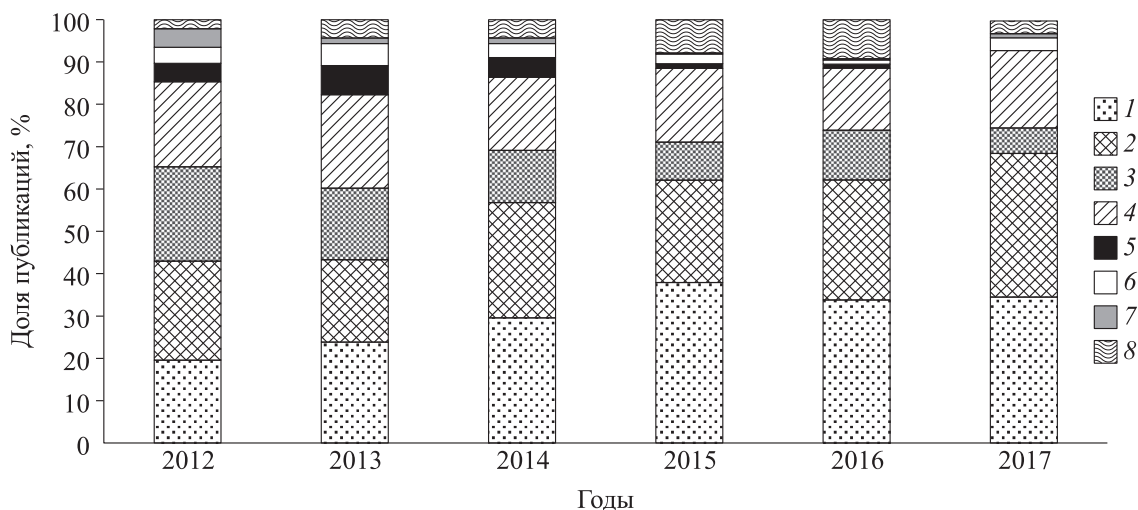

Рис. 2. Тематическая структура публикаций «Независимой газеты», посвященных Китаю.

Темы: 1 — экономика, 2 — внешняя политика, 3 — внутренняя политика, 4 — безопасность, конфликты, 5 — чрезвычайные происшествия, 6 — социальная сфера, 7 — наука, образование, 8 — культура, религия, спорт.

подписанием газового контракта (см. рис. 1). Статьи, затрагивающие остальные темы (спорт, культуру и религию, социальную сферу, науку и образование, чрезвычайные происшествия и стихийные бедствия), составляют лишь незначительную часть информационного потока (не более 4–5 %) (рис. 2). Очень мало число публикаций, посвященных китайской культуре, что отражает заметную культурную дистанцию между двумя странами. Китайская культура гораздо меньше знакома российскому читателю, что подтверждают данные опросов ФОМ, согласно которым 57 % россиян считают, что культура, образ жизни и ценности китайцев и русских сильно отличаются [19].

Акцент на росте значения Китая как новой сверхдержавы затеняет внутреннее разнообразие страны: почти всегда речь идет о стране в целом, и лишь изредка упоминаются отдельные провинции — Хэйлунцзян, Синьцзян-Уйгурский АР, а также пограничные с Россией города Маньчжурия, Хэйхэ и Суйфэньхэ.

Экспертный дискурс о Китае, представленный в НГ, отличается высокой критичностью и преобладанием алармистских настроений. Его тональность соответствует выводам авторов научных статей первой группы («скептиков»). К 2016–2017 гг. выросла доля материалов, посвященных программам наращивания вооружений, росту военных расходов, в том числе усилению потенциала НОАК, военным учениям, конфликтам, шпионажу. Множество материалов пронизано мыслью о стремлении Китая к глобальному доминированию.

Кроме того, для дискурса НГ характерны осторожность и указание на подводные камни в российско-китайских отношениях. В большинстве статей преобладает идея, что политика Китая ориентирована на обеспечение его интересов и углубление доминирования в регионе [20]. Велика доля негативных и критичных публикаций, особенно в 2012 и 2016 гг. (рис. 3). Несмотря на откровенное восхищение достижениями Китая в экономике и социальной политике, выражается заметная обеспокоенность экономической экспансией Пекина [21]. Действия китайской стороны рассматриваются, как правило, через призму типичной политики Пекина — экономической экспансии, доступа к ресурсам, рынкам [22].

Статьи, посвященные проекту ОПОП, составляют не более 10 % (см. рис. 1). В 2015–2016 гг. преобладала положительная риторика: проекты нового Шелкового пути трактовались как полезные и важные для России начинания, способствующие развитию экономических отношений между странами АТР и ЕАЭС [23]. Следующий всплеск числа публикаций об инициативе ОПОП в 2017 г. был вызван анализом ее первых результатов, которые не оправдали ожиданий. В экспертном дискурсе начали преобладать аналитические публикации, но число негативных и нейтральных превысило число позитивных. Общим фоном стала настороженность, недоверие, опасение неравной конкуренции. Отмечался минимальный эффект проекта ОПОП для российской экономики, скудность информации о конкретных экономических проектах, низкая доля (1,6 %) транзита китайских грузов через терри-

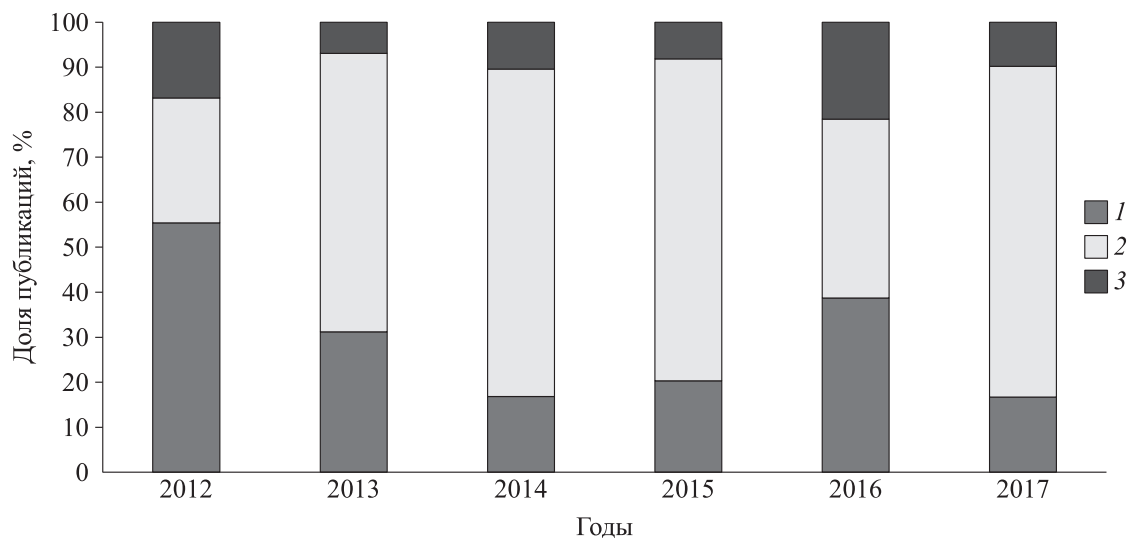

Рис. 3. Характер публикаций «Независимой газеты», посвященных Китаю.

Характер публикаций: 1 — негативный, 2 — нейтральный, 3 — позитивный.

торию России. По мнению ряда экспертов, соглашение о сопряжении проектов ЭПШП и ЕАЭС для России, скорее, «брак поневоле», чем результат анализа реальной совместимости двух проектов [24].

В отличие от центристского дискурса НГ, «левый» дискурс об инициативе ОПОП в зеркале материалов «Советской России» носит относительно нейтральный характер. С одной стороны, отношение КПРФ к проекту определяется его направленностью против мирового господства американской сверхдержавы. В этом контексте инициатива Китая как государства, бросившего вызов политической, экономической и культурно-идеологической глобальной гегемонии США, получает поддержку коммунистов [25]. С другой стороны, в газете широко обсуждаются противоречивые черты мегапроекта, связанные с рисками, препятствующими реализации китайских инфраструктурных проектов, и сомнениями в их реальной выгоде для местных жителей [26].

Национал-патриотический дискурс, представленный в газете «Завтра», носит наиболее критический характер. Отмечается, что России в китайской доктрине отводится незавидная второстепенная роль источников и транзитеров сырья [27]. Подчеркивается, что российские интересы в проекте ОПОП игнорируются, что объясняется неуверенностью китайских политических элит в стабильности России как транзитной территории [28].

В правом, либеральном дискурсе в отражении «Новой газеты» отношение Китая к России представляется исключительно в контексте экономической экспансии и агрессивной внешней политики Пекина. Прагматизм китайских партнеров трактуется как основное препятствие активизации сотрудничества между двумя странами [29]. Более того, авторы газеты весьма скептически оценивают перспективы «поворота на Восток», который рассматривается через призму расчетливости китайских инвесторов [30].

Отношение к сотрудничеству с Китаем в граничащих с ним регионах России отразилось в результатах фокус-групп, проведенных авторами летом 2018 г. в пос. Забайкальск, и экспертных интервью с представителями администраций и специалистами Забайкальского края и соседнего г. Маньчжурия (провинция Внутренняя Монголия). На региональном уровне отчетливо проявляются противоречия российско-китайских отношений, в первую очередь — их асимметричность. Респонденты опасаются закрепления роли российских регионов как сырьевого придатка соседних китайских провинций. Например, китайские инвестиции в Забайкальском крае в лесную промышленность, сельское хозяйство, туризм подчинены интересам китайской стороны и дают незначительный эффект для российской экономики. Трансграничные перемещения финансовых средств непрозрачны, так как используются китайские банки и контрагенты, и российские предприниматели в эти замкнутые системы практически не допускаются. Эксперты указывали на жесткие условия китайской стороны при обсуждении проектов, необходимость брать связанные кредиты, при которых основную долю работ выполняют китайские подрядчики. Китайцы, в свою очередь, сетовали на медлительность при принятии решений российской стороной. Соглашения, подписываемые на высоком уровне, носят рамочный характер, и

значительная их часть не наполняется реальным содержанием. Пограничная инфраструктура и часть коммуникаций на российской стороне устарели, хотя проведена электрификация и введен в строй второй путь на восток к границе от Транссиба ходом Карымская–Забайкальск, в последнем построен контейнерный терминал. Забайкальск остается неблагоустроенным поселком с разбитыми улицами, резко контрастируя с быстрорастущей 300-тысячной Маньчжурией.

Китайские власти придают большое значение границе как витрине богатого и могущественного государства. Циклопические въездные ворота в Китай, сияющий мрамором и хрусталем пункт пропуска, гигантские пагоды, прочие монументы и символические сооружения подчеркивают величие и масштаб страны. Город Маньчжурия вырос благодаря переработке российского круглого леса и пилочника, распределению жидкого газа из России и притоку ежегодно более чем 5 млн туристов из внутренних провинций. Посетителей Маньчжурии привлекает в основном российская «экзотика» — парк гигантских матрешек, музей истории и культуры России, магазины и рынки российских продовольственных товаров, рестораны русской кухни и т. д. Рента приграничного положения, таким образом, остается на китайской стороне. Из-за крайней скудости материальной базы туризма в Забайкальском крае российскую границу пересекает менее 40 тыс. китайских граждан в год.

Жители небогатого Забайкальского края ощущают доминирование соседа и воспринимают Китай как более благополучную страну. Символические объекты ясно заявляют о намерениях соседнего государства. Взгляд с китайской стороны границы не оставляет сомнений в превосходстве КНР.

Тем не менее разница масштабов при добрососедских отношениях не обязательно должна создавать препятствия в сотрудничестве. Тема «китайской угрозы», актуализированная в региональном центре (Чита), второстепенна на локальном уровне. Она возникала только при обсуждении общих вопросов об особенностях охраны границы. В возможность каких-либо агрессивных действий противоположной стороны никто из участников фокус-групп не верил, а в качестве рисков назывались контрабанда и теневая торговля. Главным инструментом защиты границы здесь видится не военная сила, а стабильность политических отношений.

Настороженное отношение экспертов не разделяют не только жители российско-китайского пограничья, но и большинство российского населения. Массовые представления о Китае и российско-китайских отношениях скорее соответствуют официальному политическому дискурсу, так как формируются под влиянием новостных программ центральных каналов телевидения, транслирующих официальные позиции политической элиты. Поэтому в общественном мнении отношение к Китаю и его образ постоянно улучшаются. Если в 2003 г., по данным «Левада-центра», только 9 % опрошенных считали, что надо укреплять отношения с Китаем, то в декабре 2014 г. так думало уже 46 % опрошенных. В 2017 г. 40 % респондентов назвали Китай в пятерке стран — близких друзей и союзников РФ [31]. Эти данные подтверждаются и опросами ФОМ, согласно которым, Китай занимает первое место в списке стран, сотрудничество с которыми сейчас важнее всего для российской экономики. В 2018 г. 62 % респондентов считали Китай дружественным по отношению к России государством [32]. Такая позитивная картина служит залогом улучшения ситуации и открывает возможности для повышения доверия в двусторонних отношениях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Хотя пути реализации инициативы ОПОП еще далеко не ясны, она вызывает в соседних странах как чрезмерные ожидания, так и опасения. Проект ОПОП представляет для России институциональный и дискурсивный вызов, который определит пути сопряжения интересов двух стран, в том числе и в приграничье. Активизация российско-китайских отношений на межгосударственном уровне недостаточно подкрепляется взаимодействиями на региональном и локальном уровнях. Перспективы координации инициативы ОПОП с интеграцией в ЕАЭС пока остаются неясными из-за различия интересов и ориентиров развития основных участников. Страны ЕАЭС стремятся уйти от сырьевой специализации, осуществить переход к инновационной и цифровой экономике. В то же время Китай, напротив, заинтересован в обеспечении своей экономики ресурсо-, энерго- и экологоемкой продукцией первого передела и в широком доступе своих товаров на внутренние рынки стран ЕАЭС. Ожидания российской стороной реализации конкретных проектов не оправдываются. По мнению экспертного сообщества, процесс остановился на уровне намерений и учтивых жестов и оторвался от практической почвы.

Анализ политического, научного и экспертного дискурсов о развитии российско-китайских отношений позволил оценить взгляды российского политикума на перспективы реализации инициати-

вы ОПОП. Исключительно высокая оценка отношений с Китаем на официальном уровне сочетается с высокой критичностью экспертного и значительной части научного дискурса и скептическим тоном оппозиционного дискурса. Характер экспертного дискурса отражает опасения неравной конкуренции, связанные с несопоставимостью демографического и экономического потенциала двух стран и все более отчетливо проявляющимися амбициями руководства Китая, претендующего на роль мирового лидера.

В мегапроекте ОПОП эксперты часто видят прикрытый риторикой инструмент реализации глобальных амбиций китайского руководства, стремление поставить под свой контроль источники необходимого Китаю топлива и сырья и обеспечить внешние рынки сбыта своей продукции, навязать соседним странам выгодную ему специализацию. Опасения неравной конкуренции подогреваются жестким подходом китайской стороны к совместным проектам, ориентированным, прежде всего, на потребности Китая, а также очевидным различием интересов двух государств. С обеих сторон российско-китайской границы ощущается дефицит политического доверия, который препятствует углублению сотрудничества.

Настороженные представления элиты контрастируют с положительным массовым дискурсом и позитивным отношением населения приграничных районов к Китаю. Поэтому, несмотря на преимущественно негативный фон в экспертном дискурсе, к 2017 г. усилилось понимание необходимости сотрудничества и участия в инициативе ОПОП. Продвижению в развитии двустороннего сотрудничества могут помочь только учет взаимных интересов, поиск компромиссов, разделение ответственности и внедрение четкой системы правил, опирающейся на работающие институты, повышение прозрачности и публичности проводимой политики.

Работа выполнена при финансовой поддержке Русского географического общества Российского фонда фундаментальных исследований (24/2018/РГО-РФФИ), исследования проведены в рамках бюджетной темы «Проблемы и перспективы территориального развития России в условиях его неравномерности и глобальной нестабильности» (0148–2019–0008, АААА–А19–119022190170–1), а также при использовании средств субсидии, выделенной на реализацию Программы повышения конкурентоспособности БФУ им. И. Канта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вардомский Л.Б. Региональная география торговли с Китаем как отражение пространственной структуры российской экономики // Региональные исследования. — 2018. — № 4. — С. 75–84.
2. Каримова А.Б. Шелковый путь: процессы интеграции и самоорганизации пространств трансрегионального взаимодействия // Сравнительная политика. — 2017. — № 2. — С. 108–118.
3. Michel T.A. Implications of China's rise for Russia in the context of East-West Tensions: A partner in an Anti-Western agenda or a threat for Moscow's regional influence? // Comparative Politics Russia. — 2017. — N 2. — P. 157–162.
4. Островский А.В. Как подключить Сибирь и Дальний Восток к Шелковому пути? // Новый Шелковый путь и его значение для России. — М.: ДеЛи плюс, 2016. — С. 131–146.
5. Сазонов С.Л., Чэнь С. Строительство инфраструктуры «пояса и пути» как основная модель национального экономического и внешнеэкономического развития Китая // Проблемы и перспективы реализации инициативы «Экономический пояс Шелкового пути» в контексте ШОС. — М.: Изд-во Ин-та Дальнего Востока РАН, 2017. — С. 34–40.
6. Рязанцев С.В. «Глобализация по-китайски»: инвестиции, миграция, диаспора. — 2012. — Т. 10, № 3 (30–31). — С. 20–41.
7. Лукин А.В. «Китайская угроза» и дуализм сознания // Полис. Политические исследования. — 2011. — № 6. — С. 183–186.
8. Ма Б. Стратегия России «поворот на Восток»: возможности и вызовы для сопряжения с китайскими трансрегиональными проектами // Сравнительная политика. — 2017. — № 2 — С. 82–97.
9. Чечевинников А. Восточный вектор российской политики и перспективы развития Дальнего Востока Сибири // Междунар. процессы. — 2014. — Т. 12, № 1–2. — С. 51–75.
10. Морозов Ю.В. Проблемы, препятствующие реализации интеграционных проектов Китая и России в Евразии // Проблемы и перспективы реализации инициативы «Экономический пояс Шелкового пути» в контексте ШОС. — М.: Изд-во Ин-та Дальнего Востока РАН, 2017. — С. 112–133.
11. Sharyshev A.V. Strategic partnership between Russia and China: importance and sustainability of bilateral relations // Comparative Politics. — 2016. — N 2 (23). — P. 112–117.

12. **Сафронова Е.И.** Проект «Один пояс, один путь» — комплексный фактор «мягкой силы» Китая // Проблемы и перспективы реализации инициативы «Экономический пояс Шелкового пути» в контексте ШОС. — М.: Изд-во Ин-та Дальнего Востока РАН, 2017. — С. 60–77.
13. **Ларин А.Г.** Экономический пояс Шелкового пути: экономическое содержание, структура, идеология // Новый Шелковый путь и его значение для России. — М.: ДеЛи плюс, 2016. — С. 38–57.
14. **Лукин А.В.** Возвышающийся Китай и будущее России (Работы о Китае и российско-китайских отношениях). — М.: Международные отношения, 2018. — 792 с.
15. **Уянаев С.В.** Инициатива КНР «Один пояс, один путь»: эволюция, документы, взгляд из России // Новый Шелковый путь и его значение для России. — М.: ДеЛи плюс, 2016. — С. 11–37.
16. **Современные российско-китайские отношения** / Под ред. С.Г. Лузянина, А.Г. Ларина, Е.И. Сафроновой, И.В. Ушакова, Е.В. Белилиной. — М.: ДеЛи плюс, 2017. — 264 с.
17. **Посол РФ в Пекине:** Россия не будет продавать Китаю газ в убыток себе // Интерфакс. 17 ноября 2014 [Электронный ресурс]. — <https://www.interfax.ru/interview/407652> (дата обращения 04.12.2018).
18. **Торговые войны** сегодня начались, а завтра закончились // Известия. — 31 октяб. — 2018 [Электронный ресурс]. — <https://iz.ru/804524/nataliia-portiakova/torgovyue-voiny-segodnia-nachalis-zavtra-zakonchilis> (дата обращения 04.12.2018).
19. **Китай.** Представления россиян о китайцах и китайской культуре [Электронный ресурс]. — <https://fom.ru/Mir/14071> (дата обращения 15.08.2018).
20. **Ходасевич А.** Чайна-таун по заказу Лукашенко // Независимая газ. — 22 мая. — 2012 [Электронный ресурс]. — http://www.ng.ru/cis/2012-05-22/6_minsk.html (дата обращения 06.08.2018).
21. **Гундаров В.** Шойгу пошел по стопам президента [Электронный ресурс]. — http://nvo.ng.ru/nvoevents/2014-11-21/2_rekin.html (дата обращения 06.08.2018).
22. **Храмчихин А.А.** Пекин Москве — партнер, но не друг // Независимая газ. — 7 нояб. — 2014 [Электронный ресурс]. — http://nvo.ng.ru/realty/2014-11-07/1_china.html (дата обращения 05.08.2018).
23. **Терехова А.** Москва дистанцируется от китайского проекта нового Шелкового пути // Независимая газ. — 20 янв. — 2015 [Электронный ресурс]. — http://www.ng.ru/economics/2015-01-20/4_china.html (дата обращения 05.08.2018).
24. **Гаврилов В.А.** Москва и Пекин: новое испытание. Российско-китайское стратегическое партнерство — брак по расчету или союз по необходимости? // Независимая газ. — 6 марта. — 2015 [Электронный ресурс]. — http://nvo.ng.ru/concepts/2015-03-06/1_rekin.html (дата обращения 06.08.2018).
25. **Кожемякин С.** Огненная дуга вокруг Китая // Советская Россия. — 16 апр. — 2015 [Электронный ресурс]. — <http://www.sovross.ru/articles/1211/21056> (дата обращения 19.12.2018).
26. **Новиков Д.** Верность принципам // Советская Россия. — 16 октяб. — 2018 [Электронный ресурс]. — <http://www.sovross.ru/articles/1758/41528> (дата обращения 19.12.2018).
27. **Вавилов Н.** Не друг, не союзник, а новая реальность // Завтра. — 12 марта. — 2018 [Электронный ресурс]. — http://zavtra.ru/blogs/ne_drug_ne_soyuznik_a_novaya_real_nost_ (дата обращения 20.12.2018).
28. **Тавровский Ю.** Великий размах // Завтра. — 19 апр. — 2017 [Электронный ресурс]. — http://zavtra.ru/blogs/velikij_gazmah (дата обращения 20.12.2018).
29. **Хачатуров А.** Подставь щеку Востоку // Новая газета. — № 119. — 26 октяб. — 2018 [Электронный ресурс]. — <https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/10/26/78354-podstav-scheku-vostoku> (дата обращения 20.12.2018).
30. **Хачатуров А.** Длинный юань // Новая газета. — № 61. — 13 июня. — 2018 [Электронный ресурс]. — <https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/06/10/76763-dlinnyu-yuan> (дата обращения 20.12.2018).
31. **Общественное мнение** — 2017 / Ред. Л. Гудков. — М.: Левада-Центр, 2018. — 244 с.
32. **Россия и Китай:** позиции в мире. Об отношениях между Россией и Китаем. Представления о влиятельности этих стран в мире [Электронный ресурс]. — <https://fom.ru/Mir/14063> (дата обращения 15.08.2018).

Поступила в редакцию 16.01.2019

После доработки 16.01.2019

Принята к публикации 26.06.2019